

ИСТОРИОГРАФИЯ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

*...многое из того, что волнует нас сегодня,
совсем неплохо осознавалось в прошлом,
но только в совершенно ином мыслительном материале*

Э.Ю.Соловьев

«Вестернизация науки» как знаковая тенденция последних десятилетий, закономерно обусловленная многолетним дозированием опыта западной историографии, привела к определенному забвению отечественных традиций. Настоятельно выполняемая программа «вхождения в мировое историографическое пространство» с необходимостью требует постановки и решения в этих условиях насущных проблем: 1/ изучения механизмов «столкновения» различных научных традиций и его результатов; 2/ определения «вклада» отечественной науки в «мировую мейнстрим» и реального участия наших ученых «во всемирном разделении научного труда»; анализа собственного опыта историописания, выявления его реальных достижений; 3/ конструирования компаративистских схем «западных» и «восточных»¹ научных традиций (в том числе – традиций в области «дисциплинарных миров») с целью определения общих тенденций развития и национально-региональной специфики; 4/ выявления «общего достояния» «западной» и «восточной» науки с целью преодоления синдромов «противостояния», «ассимиляции», «провинциальности», «научной фанатерии» и проч.; 5/ решения проблем культурного и научного трансфера, рецепции инноваций в диапазоне не только «запад-восток», но и «восток-запад»; 6/ отказа, с одной стороны, от статуса «сырьевой державы» на рынке мировой историографии, с другой - от позиции «рецепциониста», собирающего «интеллектуальные продукты» из «импортных деталей», нередко устаревших²; предотвращения «донорства», когда идеи и подходы отечественных ученых, изложенные на национальных языках, используются в иностранной историографии без указания на

источник³; 7/ исследования истории дисциплинарных сообществ, дисциплинарной истории в целом как в границах национальной науки, так и в контексте транс-национальности и т.п.

Современное научное движение характеризуется постоянно возникающими интеллектуальными «вызовами» («поворотами») -социальным, антропологическим, культурологическим, лингвистическим, эстетическим, материальным и т.п. Каждый из них – своеобразный поиск нового ориентира в оптимизации познавательного процесса, некий эпистемологически-инструментальный идеал, на который с известной степенью периодичности направляется фокус исследовательского интереса ученых.

Среди этих «поворотов» - «вечно непреходящий» *биографический*. Древнейший, сложно структурированный жанр, приобретший множество моделей своего воплощения, он вновь занимает умы историков и историографов.

Каждая культурно-историческая эпоха, «логос» каждой национальной культуры имеют и свой «дискурс биографического сознания», и свою эволюционную типологию биографических текстов⁴. Это не означает отсутствия общих закономерностей развития биографического жанра, но предполагает учет специфики, которая находит свое выражение в дисциплинарных традициях, в самобытном развитии определенных областей знания, проблемное поле которых имеет аналогичный по содержанию абрис, но разные самоназвания и структуриацию в системе исторических дисциплин. Задача не только в том, чтобы осознать «генеалогию» понятий, исходные лексические формы т.п., но и в том, чтобы корректно использовать разнообразную терминологию, соединив ее в едином поле историко-биографических исследований. В данной статье предпринята попытка контурно представить соотношение понятий, определяющих направления современных биографических исследований, в контексте смыслонасыщения категориальных новаций и возможности применения их в познании процесса исторического познания.

О персональной истории

Формула *personal history* достаточно широко распространена в литературе. В англоязычных изданиях последнего времени выделяют четыре варианта применения этого понятия для обозначения

ния: 1/ «персонифицированной истории» («истории персоны») - более или менее традиционной биографии исторической личности «крупного масштаба», подчас с использованием интуитивистского метода биографической реконструкции и психоаналитических теорий; 2/ «личной истории» как исследования жизни индивида сквозь призму его частных отношений - «частной биографии» в отличие от «публичной биографии»; 3/ истории личности как «внутренней биографии» (развитие внутреннего мира человека) в противовес «внешней», или «карьерной»; 4/ собственноручно написанных личных историй – «интеллектуальных автобиографий историков», или «автобиоисториографических произведений». В исследовательской практике эти т.н. «чистые типы» имеют разнообразную комбинацию⁵.

К вариациям персональной истории относят и типологию исторических биографий, предложенную профессором экономической истории Венецианского Университета, специалистом по микроистории нового времени, Джованни Леви, который рассматривает четыре типа биографий (просопография и модальная биография; биография и контекст; биография и пограничные случаи; биография и герменевтика) как «подлинно крупные направления» в современной биографической практике⁶.

В российской историографии сегодня выделяют две версии персональной истории, ориентирующиеся на разные исследовательские стратегии и отражающие «разночтение» проблемы соотношения «персональной истории» и «истории вообще»: 1) «*экзистенциальный биографизм*» («экзистенциальная персональная история»)⁷; 2) «*новая биографическая история*» («социальная персональная история»)⁸.

Общее для обеих версий: «базовый объект», жанровая близость, «отсутствие установки» на исчерпывающее объяснение, признание уникальности человеческой личности и неповторимости индивидуального опыта, понимание невозможности до конца раскрыть «тайну индивида».

Различия относятся к целевым установкам исследования и предполагаемому уровню обобщения его результатов: *первый* подход намеренно подчеркивает автономию личности, социальный фон получает незначительный статус «антуража»; *второй* подход «исходит из равной значимости и взаимосвязанности со-

циокультурного и личностно-психологического аспектов в анализе прошлого»⁹.

В персоналистике распространён в последнее время метод *сетевых анализа* межличностных взаимодействий, который опирается на т.н. «сетевую концепцию» социальной структуры. Биография в этом случае предстает как «вертикальная темпоральная последовательность горизонтальных срезов, на каждом из которых пространственно фиксируется конфигурация социальных связей индивида на соответствующем отрезке его жизненного пути»¹⁰.

Персональная история (или «индивидуальная история»), по определению Л.П.Репиной (Москва), – новое направление, в основе которого лежит восстановление «истории одной жизни» во всей ее уникальности и в достижимой полноте. «Общая характеристика» для всех *типов персональной истории*, несмотря на различие теоретической направленности (представители персональной истории ориентируются на микроисторию, психоисторию, модели рационального выбора, теории культурной и гендерной идентичности и проч.), заключается в том, что личная жизнь и судьба индивидов, «формирование и развитие их внутреннего мира, следы их деятельности в разномасштабных промежутках пространства и времени выступают одновременно как стратегическая цель исследования и как адекватное средство познания включающего их и творимого ими исторического социума»¹¹. В итоге *собственно персональная история* как аналог *новой биографической истории* используется «для прояснения социального контекста, а не наоборот, как это практикуется в традиционных исторических биографиях» («классических биографиях») ¹².

Об интеллектуальной биографии

В современной украинской биографической литературе получил распространение концепт *интеллектуальная биография*¹³.

Как направление биографических исследований интеллектуальная биография появилась в русле «обновленной» интеллектуальной истории: ее «возрождение» на рубеже 1980-1990-х гг. было связано с «лингвистическим поворотом», который, в свою очередь, во многом способствовал начавшемуся процессу переосмысления всего историографического опыта «истории идей» в том виде, в каком в «западной» традиции «история идей» сложилась

как «биография идей» - с изъятием собственно «носителя» идей и их социокультурного контекста. Одновременно под влиянием «новой социальной истории» появилась «история интеллектуалов», институциональное оформление которой во Франции началось с создания (по инициативе Ж.-Ф.Сиринелли) специальной междисциплинарной Группы (1985)¹⁴. В эти же годы научная деятельность П.Нора и Ф.Ариеса приводит к появлению в контексте нарратологии «ego-histoires», нового направления в историописании, цель которого - анализ взаимосвязи личностной истории ученых с их «научной лабораторией», конструкций их «жизненных нарративов» и способов конструирования ими «исторических (мета) нарративов»¹⁵. «Расцвет» исторической антропологии в 1980-е гг. («антропологический поворот») актуализировал интерес к «человеческому измерению» в интеллектуальной истории.

В 1980-е гг. проблема «биографического анализа» в интеллектуальной истории находилась в дискуссионной плоскости евроатлантического научного поля. Примечательно, что проблемы биографии были подняты и активно обсуждались представителями истории экономической мысли. Центральным в полемике оказался вопрос об отношении между идеями и жизнью, между тем, «как мы думаем, и тем, как мы живем». Дискуссии отразили наличие двух оппонирующих «платформ»: представители первой отрицали познавательную ценность биографической информации, рассматривая биографию в качестве «иллюстрации»; представители второй считали, что без обращения к «личной ментальной истории» ученого нельзя понять его концепцию, выявить социокультурный и интеллектуальный контекст его творчества, генезис его идеи, специфику принятия его наследия научным сообществом¹⁶.

Сторонник второй «платформы» - американский исследователь истории экономической мысли Дональд Уокер - рассматривал биографический анализ как естественную составляющую истории экономической мысли. Он предложил свою типологию биографического жанра в историко-экономических исследованиях (1983), вполне применимую, по мнению Л.П.Репиной, к интеллектуальной истории в целом, так как «вся совокупность фактов личностного, профессионального, ситуационного и библиографического характера образует то, что можно назвать научной биографией»¹⁷: *биография личности; профессиональная*

биография; библиографическая биография; ситуационная биография, или биография среды. В контексте последнего типа биографии сам экономист («герой» биографии) рассматривается как «продукт своего и всего предшествующего времени»¹⁸.

В 1990-е гг. исследовательский интерес к «человеческому измерению» в интеллектуальной истории «нашел свое продолжение и наиболее рельефное выражение в «новой биографической истории»» (курсив мой – Т.П.), ориентирующейся не просто на «воссоздание перипетий индивидуальной судьбы», но на анализ его «многообразных интеракций» в постоянно изменяющемся «социально-интеллектуальном пространстве»¹⁹.

В новейших исследованиях западных специалистов по интеллектуальной истории анализ текстов интеллектуалов осуществляется на основе выяснения биографического, культурного, научного и идеологического контекстов, их породивших, а современную интеллектуальную биографию характеризует «синтез биографического, текстуального и социокультурного анализа»²⁰.

В историографической практике, опосредованной исходными теоретическими основаниями, особое значение приобретает конкретная модель (тип) биографического анализа. В ряде работ последних лет получила популярность модель, предложенная Д.Уокером, которая в совокупности всех своих четырех типов биографии стала рассматриваться как модель интеллектуальной биографии²¹.

В.Ващенко (Днепропетровск), плодотворно работающий в русле нового для украинской науки биографизма, на основе анализа современных биографических исследований ученых «евроатлантической традиции» (А.Hannay, Cambridge, 2001; S.Gaukroger, Oxford, 1997) предложил свою модель интеллектуальной биографии историка, исходя из поэтапного решения конкретных задач: 1) *выяснение генезиса и сущности интеллектуальных достижений субъекта* («научная методология» ученого интерпретируется как сущность «интеллектуального достижения», а «генезис» этих «достижений» трактуется как «смена» парадигм на протяжении карьеры ученого); 2) *установление рациональности субъекта в терминах его мотиваций* (поскольку рациональность субъекта в науке проявляется не в последнюю очередь в «научной методологии», то эта задача может быть решена в процессе

выявления мотивационных рядов в ее методологическом пространстве). Конечная цель анализа в этом случае – *исследование мотивации или «внутренней логики»*, которой следовал ученый на протяжении длительного периода жизни и которая определяла выбор историком конкретных методов и «генезис» его «методологических подходов». Смена «научных методологий», привязанная к определенным событиям внутренней (психической) и внешней (социокультурной) жизни ученого, может рассматриваться, по мнению В.Ващенко, как «вехи» его интеллектуальной биографии²².

Об историографии, биографии и биоисториографии

С XIX в. развитие идей в единой общеевропейской традиции рассматривалось преимущественно в контексте «теории филиации», поэтому и в университетской научной традиции Российской империи новая область исторического знания – *история истории*, дисциплинизация которой уже началась в этот период, предметно определялась как *история исторической мысли* с двумя основными дисциплинарными наименованиями – «историография» и «история историографии»²³.

В XX веке в западной научной традиции сформировалась автономная дисциплина – *история идей*, позже – *интеллектуальная история*, в дисциплинарное поле которой входила и *история исторических идей*. Вплоть до 1970-х гг. изучение исторических идей (как и всего интеллектуального процесса) в западной традиции проходило с элиминацией социального контекста: социальные аспекты науки изучались в границах социальной истории, собственно историографии как исторической науки, а проблемы теоретического и методологического характера были уделом философии, теории, эпистемологии, методологии истории и т.п. Во многом эта ситуация была обусловлена теми «образами науки», которые сложились в западной философии и истории науки на протяжении 1930-1960-х гг.

Интернализм и экстернализм, создав оппонирующие «образы» науки – когнитивный и социальный, фактически разделили интеллектуальную и социальную сферы науки, определив соответственно и два типа анализа науки – когнитивный и социальный. Но уже в 1960-е гг. в науковедческих исследованиях четко

обозначилась тенденция к переосмыслению прежних «образов науки». В этом процессе, вероятно, следует учитывать и такой фактор как становление новой интегральной области знаний, получившей в СССР самоназвание *науковедение*, а на Западе – *science of science*.

С рубежа 1960-1970-х гг. о себе заявило новое направление – когнитивная социология (М. Mulkau, R. Whitley и др.), представители которого, исходя из *социокогнитивного* образа науки, выдвинули новый подход к изучению науки – *социокогнитивный* (термин А.П. Огурцова). Эволюция на протяжении 1960-х гг. взглядов Т. Куна с переосмыслением акцентуализации ведущих категорий его теории научных революций – *парадигмы* и *научного сообщества* – стала выражением «социального поворота» в исследовании интеллектуальных движений.

«Возрождение» интеллектуальной истории с ее обращением к социокультурному контексту интеллектуальной деятельности «проходило» в русле новых тенденций в общем научном поле. С конца XX века в ареале интеллектуальной истории направление, сфокусированное на исследование истории исторического познания, получает распространение под самоназванием *история историографии*. В его предметное поле вошел новый жанр историописания – *автобиоисториографический* (по определению Л.П. Репиной), который представлен автобиографическими эссе крупнейших историков, среди них – Пьер Нора, Жак Ле Гофф, Жорж Дюби, Мишель Пьер, Макс Белофф, Лоренс Стоун и др. Сами авторы называют своиopusы – «эго-историей» (П. Нора), «ego-laborator» или «ego-faber» (Ж. Дюби), «интеллектуальной автобиографией» (М. Белофф). Вне зависимости от названия практически все авторы вписывают свой профессиональный опыт, свою жизнь в науку в социокультурный контекст. В автобиографии в едином предметном поле происходит совмещение традиций личной истории с традициями социально-интеллектуальной истории, и этому новому направлению Л.П. Репина предлагает наименование – *история историографии в человеческом измерении*²⁴.

В структуре исторической науки в СССР на протяжении 1960-1980-х гг. завершилось дисциплинарное оформление *истории истории* под официальным «именем» – *историография* – как специальной дисциплины, предметом которой (как он определялся

практически во всей дидактической и официально-научной литературе) выступали закономерности развития исторических знаний и исторической науки. При этом формула *история историографии* в отличие от западной традиции обозначала форму историографической рефлексии, т.е. *историю истории исторической науки*.

Дискуссии 1960-х гг. (по инициативе, прежде всего М.В.Нечкиной) способствовали преодолению одновекторности в понимании взаимосвязи «базис-надстройка», приоритета социально-экономических факторов в развитии науки, что было характерно для советской историографии науки предшествующего времени. Кстати, факт влияния «советской модели» развития науки, созданной на рубеже 1920-1930-х гг., на появление «экстерналистского невидимого колледжа» не оспаривался нашими западными коллегами, в первую очередь – участниками этого научного движения²⁵.

Новый образ исторической науки как единство «внутренних» (когнитивных) и «внешних» (социальных и проч.) сторон ее жизнедеятельности обусловил и широкое проблемное поле историографических исследований, и тот тип *био-историографического анализа*, который «связал» личность с эпохой, научное творчество с социальным контекстом.

Осознание механизма взаимосвязи интеллектуальных и социальных параметров в биографических в целом и в *биоисториографических исследованиях* на протяжении последнего тридцатилетия советской науки претерпело свою эволюцию.

Эпоха «оттепели» определила новый взгляд на ценность человеческой личности и моральной ответственности индивида в социуме, способствуя тем самым созданию целостного образа объекта биографических исследований. В методологии наметилась тенденция к преодолению редуцированной оценки личности как «продукта эпохи», «комплекса социально-экономических факторов», что было особенно характерно для «школы» М.Н.Покровского. Под «марксистским подходом» к анализу личности в 1960-е годы стали понимать показ того, как «происходит диалектическое взаимодействие – познание эпохи через личность и личности через эпоху»²⁶.

С.Л.Рубинштейн, воспитанник Новороссийского университета, стоявший у истоков марксистской школы психологов, считал, что в исторической биографии следует учитывать *социально-*

историческую типологию людей²⁷. Институционализация в этот период нового направления – *исторической психологии* – открывала и новые возможности для развития исторической биографии.

Если «образцом» биографического анализа предшествующего времени была методика Е.В.Тарле, отбирившего факты для ответа на вопрос, как «личное перекликается с общественно значимым», исходя из тезиса - «важнейшее из личного» (остальные «подробности биографии» не представляли для него ценности, при этом конкретная мотивация поступков заменялась выяснением их исторического значения)²⁸, то новые задачи, поставленные биографами-«шестидесятниками», включали исследование «субъективно-психических сторон биографии», а «непременным элементом работы над исторической биографией» постулировался «длительный процесс «вживания в образ»²⁹.

Новаторской в области биоисториографических исследований в эти годы стала монография М.В.Нечкиной о В.О.Ключевском³⁰. Исходная идея автора о том, что «историческое развитие творческих процессов» взаимосвязано со временем, с одной стороны, а с другой - «с вплетающимся в них биографическим потоком событий», определила структуру работы, в которой жизнь историка и создание им научных трудов «в тесной связи» с эпохой проходили «этап за этапом». «Избрание жизненного пути, выбор тем для исследования, развитие лекционной работы, созревание общей концепции истории России, подготовка и издание «Курса русской истории» - все связано с ходом событий, с развитием науки той эпохи, с индивидуальными особенностями движущейся жизни человека», - концептуализировала М.В.Нечкина свой подход к изучению биографического материала³¹. Через «главные биографические факты» в жизни ученого, которыми, по мнению В.О.Ключевского, были книги, «этап за этапом» - из главы в главу, М.В.Нечкина смогла развернуть персональную историю ученого.

Еще в 1965 г. М.В.Нечкина выделяла в качестве важнейших историографических источников - «массивы переработанного материала», которые образуются в процессе работы историка и составляют его «лабораторию», а позже – «личный архив»³². Анализ этой *лаборатории*, тесно связанный с анализом личностной биографии историка, позволил М.В.Нечкиной показать *процесс* твор-

чества В.О.Ключевского - противоречивый, отнюдь не линейный, динамический и драматический одновременно.

К концу 1980-х гг., в эпоху «перестройки», «жесткость» демаркационных границ между разными жанрами исторической биографии сменилась более гибкими подходами к биографическому творчеству, историографический экскурс и осознание проблемных зон в развитии исторической биографии способствовали определению перспективного видения эволюции жанра; стратегия биографических исследований предполагала взаимосвязь трех линий: гуманизацию биографии, акцент на общечеловеческие нравственные категории в отношении личности героя; междисциплинарное поле биографического жанра; ориентацию на плюрализм в подходах к оценочным суждениям³³.

Одновременно именно эпоха «перестройки» с ее синдромом «самобичевания и покаяния», в первую очередь в среде «интеллектуалов», способствовала созданию мифологемы об отсутствии «истории в лицах» (и «историографии в лицах») в советской науке - сами историки, к сожалению, поддержали этот тезис. В итоге вместо научного анализа истории биографического жанра молодые национальные историографии на «постсоветском пространстве» начали не с реконструкции и анализа собственных биографических (и прочих) традиций, не с осмысления тех плодотворных тенденций биографических исследований, которые уже заявили о себе в сообществе советских историков, но - с отрицания собственного богатого опыта в области отечественного биоисториописания и заимствования «западных» идей, развитие которых проходило не без влияния «восточноевропейского» интеллектуального поля.

Заметки на полях

1. Анализируя биографическую литературу евроатлантической традиции последней трети XX в., В.Ващенко акцентировал теоретические инновации, представив переход от «старого» к «новому» в виде ряда бинарных оппозиций:

— на смену позитивистской версии научной биографии как бесстрастному коллекционированию фактов жизни ученого пришла (пост) модернистская парадигма «киномотографической биографии», в которой автор выступает в роли режиссера;

— вместо «биографии-агиографии» актуальность приобрела «биография-контекстуализация», которая делает акцент на наличие всевозможных контекстов – интеллектуальных, политических, идеологических, - определяющих внешние контуры жизни ученого, за пределы которых он не может выбраться;

— наступление эры «жизнь как текст» накладывает отпечаток на создание (конструирование) биографических текстов, посвященных ученым, по законам преимущественно трагедии.

Современный биографический жанр в целом, по мысли В.Ващенко, развивается под влиянием двух евроатлантических традиций: модернизированной сциентистской «научной биографии» (точнее – *биографии ученых* естественнонаучного поля) и ориентированной на гуманитарные науки «интеллектуальной биографии». Для украинской историографической практики в области биографических исследований характерно также наличие двух парадигм: одна из них концентрируется в концепте «научная биография» и восходит к позитивистскому опыту XIX в. (в таком виде историческая биографистика утвердилась в Украине как отдельная дисциплина), другая – апеллирует к научной метафоре «интеллектуальная биография», используя разнообразные пост-модернистские техники³⁴.

Безусловно, любая историографическая схема имеет свой эвристический потенциал (какой бы фокусно-ограниченной она ни была в своей самодостаточности), и данная - относительно верно определяет ведущие тенденции в развитии биографических исследований на уровне мирового/регионального историографического процесса. Следует, тем не менее, учитывать, что смена парадигмальных основ историописания – процесс болезненный, «неоднозначно-прогрессивный», для него характерны не только кардинально новые приобретения, но и существенные потери: «внедрение» искаженных (чаще всего – «уничижительных») образов прошлого, редуцирование идей предшественников, «наложение и перенос смыслов» и т.п. В такой ситуации «объем разрушенных иллюзий всегда намного превышает объем тех достоверностей и реальных возможностей, которые наука в данный момент доставляет»³⁵.

Имя Э.Ю.Соловьева, российского философа, автора обозначенной выше мысли, хорошо известно «биографистам» - на его публикации неоднократно ссылается Л.П.Репина, его цитируют

молодые исследователи в Украине, без его «программной» статьи, посвященной проблемам биографического анализа не обходится, пожалуй, ни одна работа историков, социологов, философов, литературоведов и проч. на «постсоветском пространстве». Мало того, работы Э.Ю.Соловьева становятся «методологическим ориентиром» для современных философов, обращающихся к философской рефлексии над биографическим опытом³⁶.

Однако не стоит забывать о том, что статья «Биографический анализ как вид историко-философского исследования» была написана автором на рубеже 1970-1980-х гг. – в период т.н. «застоя»³⁷, с позиций «марксистской методологии», и ее «второе издание» в 1991 г. (в период «гласности») в известном сборнике – очерках по истории философии и культуры, в котором автор предстал не только как аналитик и теоретик биографического жанра, но и как блестящий мастер «научной биографии», текстуально не претерпела никаких изменений. Мало того, Э.Ю.Соловьев, как пишет И.В.Голубович (Одесса), осуществивший «интерпретацию экзистенциалистской традиции в рамках методологии биографического анализа» и разработавший «собственную версию ситуационно-исторического подхода (модель «личность – ситуация»)³⁸, еще в 1968 г. в своей статье «Личность и ситуация в социально-политическом анализе Маркса» заметил, что «...целый ряд проблем, которые сегодня без всякого колебания могли бы быть причислены к разряду экзистенциальных, были сформулированы Марксом с удивительной четкостью и бескомпромиссностью именно потому, что он не был экзистенциалистом»³⁹. Тема «личность и ситуация», выведенная в качестве приоритетной современными теоретиками биографического жанра, была глубоко и всесторонне разработана К.Марксом в статье «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (1852) - работы, ставшей главным объектом философской рефлексии Э.Ю.Соловьева, проанализировавшего модель «марксистского ситуационно-политического анализа».

Э.Ю.Соловьев применяет формулу *биографический анализ*, рассматривая ее содержание «как вид историко-философского исследования». При возможном единстве тематического поля каждое из биографических исследований представляет собой, по его мнению, *конкретный тип биографического анализа*, исходя из *исследовательской задачи* автора⁴⁰. «Непосредственным объектом

биографии, - согласно Э.Ю.Соловьеву, - является жизнь отдельного человека от момента рождения до момента смерти. Однако предметом, на который направлено основное исследовательское усилие биографа, каждый раз оказывается *социальная и культурная ситуация*. Только по отношению к последней описываемая жизнь приобретает значение истории, особой смысло-временной целостности, к которой применимы понятия уникальности, событийности, развития, самоосуществления»⁴¹.

Обратимся к другому не менее интересному мыслителю – П.М.Бицилли (1879-1953), профессору Новороссийского университета, который одним из первых поставил проблему антропологически ориентированного культурологического подхода к изучению истории науки. Анализируя современную ему историко-научную практику, П.М.Бицилли отмечал, что науку, во-первых, принято воспринимать как достаточно «замкнутый», развивающийся «сам из себя» мир; во-вторых, «эволюционный подход» к истории науки способствовал рассмотрению каждой научной системы в качестве закономерно обусловленной «ступени» в прогрессе «науки вообще». При таком видении науки в центре внимания исследователей оказывались идеи, теории, концепции, но исчезало главное – «лики их творцов»⁴², и само знание выступало как «деперсонифицированное образование» (или «надвременные монограммы мыслителей» - по Э.Ю.Соловьеву). Историк культуры, считал П.М.Бицилли, не вправе разделять «сознательную сферу духа» и «бессознательную», отделять «мировоззрение» от «мироощущения»: для него и философ, и естествоиспытатель, и историк – это, прежде всего *личности* (курсив мой. – Т.П.), которые творчески раскрывают себя в области «своей науки». Ученых нельзя рассматривать как «очередных исполнителей» тех заданий, которые выдвигаются «общим ходом научной мысли». Научная деятельность творческой личности для историка культуры, по определению П.М.Бицилли, становится «его биографией», конкретное же «учение», им созданное, это - то «невыразимое», чем является «психея» его создателя, это - «он сам»⁴³. П.М.Бицилли и Э.Ю.Соловьева, представителей разных методологических направлений, через эпохальный разрыв объединяет общее - понимание ценности творческой индивидуальности и неповторимости личности ученого как главного объекта историко-научного анализа.

2. *Классическая, традиционная, научная биография* - это неоднозначные понятия, считать их аналоговыми категориями можно лишь условно, в контексте противопоставления поисков «нового биографизма» (приблизительно с последней трети XX в.) биографической практике предшествующей эпохи «модерна». В лексиконе современных исследователей *научная биография* подчас превращается в метафору для обозначения «ретроградных» форм биоисториописания. Между тем, *научной биографией* называют и схему, предложенную Д. Уокером⁴⁴, и «воспроизведение жизненной судьбы мыслителя» с позиций «социально-культурного анализа»⁴⁵, который признается ныне атрибутом «новой биографической истории».

На протяжении 1960-1970-х гг. в советской науке определилась основная типология биографических работ. Принцип отношения автора к материалу биографии и личности «героя» обусловил выделение четырех видов биографии: *научные; научно-популярные; научно-художественные и романизированные.*

Научная биография «советского типа», согласно принципам жанра, - монографическое исследование («биография-монография»), в котором жизнь и деятельность героя анализируется в неразрывной связи с эпохой, «время» же выступает как «социально-политическая реальность», окружавшая героя, и ставится в «равноправное положение» с исторической личностью. Основные черты научной биографии: «объективный академический подход» к освещению фактов в «рамках научного мировоззрения», отсутствие «субъективных рассуждений»; использование научной интуиции «без домысла»; «субъектно-объектное» отношение между автором и героем; наличие библиографии и научно-справочного аппарата, экскурсов в историографию вопроса; акцент на профессиональную деятельность героя; определение его места и роли в историческом процессе; допущение прямой речи только на основе документальных памятников. *Научно-популярная биография* отвечала тем же характеристикам, но требовала более упрощенного изложения материала.

В центре третьего типа - *научно-художественных биографий* - «неповторимая человеческая личность»; цель биографа - показать «эволюцию души героя», при этом в отличие от «биографии-монографии» история выступала «лишь фоном». В этом типе

биографии могли сочетаться научные методы и художественная интуиция, допускался «элемент «домысла» в качестве авторской гипотезы; отношения между автором и героем – «субъектно-субъектные». При этом субъективная оценка автора (что приветствовалось) должна была все-таки основываться на «строго научном фундаменте документов»⁴⁶. Эти принципы были во многом созвучны с теорией биографии А.Моруа, произведения которого в эти годы получили широкое распространение в СССР. Единство противоположностей – «строгой документальности» и «художественности», исследования и романа, науки и искусства – все более увлекало биографистов на рубеже 1970-1980-х гг.⁴⁷

Пolemические споры по проблемам биографического жанра в советской науке этого времени во многом отразили общие линии в развитии мирового интеллектуального процесса, что нашло свое выражение и в трансформации мыслительных структур, и в рождении новых образов науки, и в изменении подходов к соотношению разных видов познавательной деятельности, и др.⁴⁸

Сегодня проблема совместимости «научного и художественного» в научных исследованиях получила достаточно отчетливую постановку: «...наметившиеся тенденции к интеграции гуманитарного знания в его рационально-научной и образно-художественной ипостасях, заставляют задуматься как над принципиальной возможностью, так и над механизмом их синтеза»⁴⁹. «Проблема синтеза» при этом рассматривается как проблема перехода от модернистских парадигм, в границах которых произошла дифференциация научного и художественного способов познания, к «постмодернистскому типу мироосмысления».

3. Среди категорий, используемых в биографических исследованиях, особо спорными представляются *объект* и *предмет*, *биографический метод* и *биографический подход*.

1. **Объект-предмет.** В современной биографической литературе встречаются различные варианты содержательного наполнения связки *объект-предмет*. Основным *исследовательским объектом* персональной истории определяют *персональные тексты*, а *предметом исследования* – «историю одной жизни» во всей ее уникальности и полноте⁵⁰. Одновременно, следуя за Э.Ю.Соловьевым, Л.П.Репина «*непосредственным объектом* (курсив мой. – Т.П.) любой биографии» считает «жизнь отдельного человека от

момента рождения до смерти»; в свою очередь конкретный *тип биографического анализа*, обусловленный *исследовательскими задачами*, имеет свой *предмет*: либо реконструкция «уникального экзистенциального опыта индивида», либо – «социальная и культурная ситуация», в контексте которой жизнь «героя» приобретает значение истории. В границах этих «полюсов», подчеркивает Л.П.Репина, «мультиперспективный подход» в биографических исследованиях нацеливает на иные варианты биографии⁵¹.

Наличие различных подходов к пониманию *объекта* многообразных исторических исследований – либо *фрагмент исторической реальности* (например, *жизнь персоны*), либо *источник*, с которым непосредственно имеет дело ученый (в данном случае – *персональные тексты*) - требует определенности в выборе научной (шире – философской) традиции.

Возможен вариант разделения понятий *объект познания* и *объект исследования*. При таком подходе *объектом познания* исторической биографии выступает сама *персона*, а непосредственным *объектом исследования* – *персональные тексты* (письма, дневники, мемуары, автобиографии и т.п. - документы личного происхождения, или эго-документы, а также «продукты творческой деятельности» - научные исследования, публицистика, литературные и прочие произведения) и другие материалы. В этом случае объект исследования и *источниковая база* практически совпадают.

Если один и тот объект познания и объект исследования могут быть атрибутами разных видовых исследований, то специфика последних зависит от *предмета*.

Предмет познания определяется не просто как часть, аспект, свойства и т.п. объекта, что составляет исследовательский интерес ученого, но это - проблемно ориентированная исследовательская установка, в которой *ракурс постижения объекта познания* – *предметная направленность* – детерминирует конкретные задачи и методологию исследования. Специфика предметной направленности, опосредующая исследовательскую стратегию, теоретические и методологические ориентиры, в конечном счете, определяет конкретный *тип биографического анализа*.

2. Метод-подход. Чаще всего понятия *биографический метод* и *биографический подход* применяют как синонимы, дополняя аналоговым – *персонологический подход*.

Считается, что формулу «биографический метод» ввел французский литературный критик Ш.-О.Сент-Бёв (1804–1869): статья «Пьер Корнель» (1828) открыла серию портретов писателей и утвердила за Сент-Бёвом право называться родоначальником такого биографического жанра, как «литературные портреты». Лапидарное изложение основных принципов биографического метода было предпринято Сент-Бёвом в статье «Шатобриан в оценке одного из близких друзей в 1803 г.» (1862). Он выделил десять «аспектов портрета», являющихся одновременно этапами изучения биографии писателя: рассмотрение великого или выдающегося писателя в семейной обстановке; ознакомление с характером его образования и воспитания; определение «первого окружения» в период становления его таланта; изучение первых успехов писателя – «талант в юности»; определение периода «ослабления таланта»; изучение особенностей мировоззрения, религиозных взглядов, его отношения к природе, женщинам, деньгам и проч.; выявление тайных слабостей; изучение специфики литературного стиля; выявление духовных наследников, учеников и почитателей; изучение оценок творчества писателя, данных «врагами», «недоброжелателями» и проч.⁵² На мой взгляд, эти мысли Ш.-О.Сент-Бёва незаслуженно забыты историками, ибо *интеллектуальная биография* как тип биографического анализа вполне могла бы включить эти позиции в свою методическую платформу.

Возникший в позитивистски ориентированном литературоведении биографический метод в начале XX века был подвергнут критике⁵³. В современных исследованиях это понятие опять получило свой статус при наличии определенных разночтений⁵⁴. Считается, что в различных дисциплинах под биографическим методом можно понимать «метод изучения индивидуального, как вспомогательный для изучения коллективного, социального»⁵⁵. Однако в науке со времен неокантианцев утвердилось иное понятие для изучения «индивидуального» - *идиографический метод*.

Биографический метод – это, скорее, метафора, поскольку собственно такой метод, действительно, не существует. Исследования широкого спектра родственных жанров, объединенных принципом биографизма, всегда ориентируются на определенное методологическое направление. В исследованиях «не-биографи-

ческого профиля» использование в разнообразных планах отдельных элементов биографизма может расцениваться как применение биографического метода, который в то же время стоит замещать в этом смысле формулой *биографический подход*.

4. В мировой историографии сложились две традиции, согласно которым теоретико-методологическое движение в границах определенного дисциплинарного поля получает свое обозначение. Первая традиция (преимущественно в западной науке) связывает названия (наименования) дисциплин с конкретным методологическим ключом. Появление новой методологии влечет за собой стремление отделиться от «старой» дисциплины. При этом новое название обычно представлено прежним, но с добавлением транс-временного эпитета – «новая»: *новая историческая наука, новая социальная история, новая интеллектуальная история, новая биографическая история* и т.п. Вторая традиция исходит из сохранения традиционного дисциплинарного статуса с привычным дисциплинарным самонаименованием, при этом содержание дисциплины изменяется за счет расширения предметной (проблемной) области, новых инструментально-операциональных подходов, эпистемологических и категориальных образцов и проч. В этом случае стратегии обновления дисциплинарного багажа в целом или его секторов (фрагментарно) приводят к укреплению дисциплинарного статуса. И в том, и в другом случае появляются новые «сегменты знания», которые требуют своих наименований - происходит обновление научной лексики.

Пересечение (столкновение) традиций влечет за собой вариации результативных форм: ассимиляцию, частичное поглощение, совмещение на уровне понятий, методологических подходов и проч.

Представленная ниже композиция – вариант возможного объединения «новой» и «старой» терминологии в едином исследовательском пространстве с учетом научных традиций и их соотношения.

Современные *биографические исследования* (понятие, получившее распространение с 1980-х гг. в советской литературе) в области исторической науки, включают три ветви: 1) *индивидуальную историю*; 2) *коллективную историю*; 3) *эго-историю (автобиографию)*.

Коллективная история, или история коллектива (в том числе – *научного сообщества*), или *коллективная биография* – сфера в первую очередь специальной дисциплины – *просопографии* в том виде, в каком эта дисциплина сложилась в «западной» традиции и получила свой статус в современной отечественной и российской науке.

Одновременно все три ветви – это пересекающиеся сферы единого историко-биографического поля, а дисциплинарная принадлежность (дифференциация) этих ветвей – условна, т.к. любой тип биографического анализа осуществляется в общем ареале исторической науки и ее субдисциплин с выходом в междисциплинарное пространство.

Персональная история, или индивидуальная история, – самоназвание историко-биографических исследований, объект которых – история одной жизни от момента рождения до момента смерти во всей ее уникальности и в достижимой полноте.

Персональная история – сложно структурированная область научных исторических исследований; ее составляющие – относительно автономные *предметные поля* (со своей спецификой исследовательских задач и методологических ориентиров), определяющие конкретный *тип биографического анализа*.

Система *типов биографического анализа* имеет свою конфигурацию: разные типы могут объединяться в *единое тематическое поле* (например, *человек в объективной драме истории* – по Э.Ю.Соловьеву), определять конкретный ракурс анализа («внутренняя биография», «эволюция души», «экзистенциальная биография», «приватная биография», «внешняя биография», «карьерная биография», «профессиональная биография» и др., направления, предложенные Дж.Леви и Д.Уокером, а также их всевозможные вариации), а по исходным теоретическим позициям ориентироваться на «принципиально различные образцы» – микроисторию, психоисторию, модели рационального выбора, теории культурной и гендерной идентичности, включая т.н. «традиционную биографию» (в позитивистском, марксистском и др. вариантах) и проч. Исходя из этого «новую биографическую историю» – «социальную персональную историю» – не стоит рассматривать как аналог всей персональной истории. Ее восприятие может идти двумя путями: либо как *определенная биографическая*

традиция – «западная», либо как одно из ведущих на сегодняшний день направлений персональной истории, или *определенный тип биографического анализа* - «социокультурный, в своей основе» (Л.П.Репина).

Аналогично *интеллектуальная биография* является видом *интеллектуальной истории* (направлением исследований в области интеллектуальной истории) и одновременно областью *персональной истории*, тематически ориентированной на изучение *биографии интеллектуалов*.

Понятие *персональная история* шире понятия *интеллектуальная биография*, т.к. объектом персональной истории может выступать *любая персона* – «индивидуум любого калибра» (Д.М.Володихин), независимо от масштаба личности, индивидуального вклада в историю, принадлежности к определенным социальным стратам и видам деятельности – интеллектуальной или иной другой (и в этом действительно отличие персональной истории от т.н. традиционной, в которой объектом биографического анализа были преимущественно «крупные исторические деятели»).

Объект интеллектуальной биографии – интеллектуал (как бы не насыщали это понятие ученые), его жизнь и деятельность в различных сферах, но прежде всего – интеллектуальной. *Предмет* же интеллектуальной биографии связан (как в любой иной научной работе) с исследовательской стратегией и теоретическими ориентирами. Поэтому интеллектуальная биография в свою очередь может быть представлена в историографической практике различными типами биографического анализа.

Биографический анализ - это одновременно *вид историографических исследований* – сфера дисциплины *историографии* в «восточной» традиции или *истории историографии* – в «западной».

С 1980-х гг. в советской науке этот вид историографических исследований выступает под самоназванием – *биоисториография*. Объект биоисториографии - «история жизни историка», а предмет - та сфера его жизни и деятельности, которая под определенным углом рассматривается био-историографом. Наряду с проблемной, региональной, институциональной историографией, историей историографии (как *историей истории исторической науки*) и т.п. биоисториография входит в структуру историографических исследований.

Биоисториографические исследования можно рассматривать как вид интеллектуальной биографии и, соответственно, - персональной истории.

Автобиоисториография - личностная история историка о себе (интеллектуальная автобиография, эго-история и т.п.) - как направление исследований входит в предметное поле *истории историографии*, сферы интеллектуальной истории, и, соответственно, в интеллектуальную биографию и персональную историю («западная традиция»), одновременно – в структуру *биоисториографии* как направления историографических исследований («восточная» традиция).

Единицей биографического исследования выступает конкретный *тип биографического анализа* (биографическая модель); различия между типами - в специфике исследовательских задач, методологических ориентиров и в целом - предметной направленности, которая и определяет их своеобразие и разнообразие. Создание *типологии биографического анализа* – задача *биографистики* (термин получил распространение в научном сообществе советских историков 1970-1980-х годов) - специальной исторической дисциплины, институционализация которой проходит в Украине приблизительно с рубежа 1980-1990-х гг.⁵⁶

Понятие *историческая биография*, классическое для «восточной» традиции, сохраняет свое значение как культурно-историческое явление и определенное направление исторических исследований.

5. Новый «дискурс биографического сознания», поиск инновационных путей к созданию биографических текстов, иное видение биоисториописания – неизбежны в стадийно новой культурно-исторической эпохе, которая «вечные вопросы» постижения личности формулирует в «новом мыслительном материале», с применением иного категориального аппарата.

Поиски «нового биографизма» лежат на пересечении узловых проблем, выветившихся с рубежа XX–XXI вв. в области социогуманитарных исследований в целом. Это - проблема соотношения и совместимости микро- и макроанализа, которая концентрируется в задаче концептуализации взаимодействия личности и общества; проблема взаимодополнительности изучения индивидуальной биографии как особого измерения исторического

процесса, системно-структурных и социокультурных исследований в единой когнитивной стратегии целостного восприятия прошлого; проблема экстраполяции индивидуальных судеб, решений и поступков в область коллективного опыта, в общую характеристику социально-исторического контекста; проблема проникновения в механизм мотиваций и поступков личности и др. В различного рода модификациях биографического жанра проблема взаимосвязи индивидуальных, институциональных и социокультурных стратегий должна решаться с использованием общего концептуального и методологического инструментария, вне зависимости от масштаба и ракурса анализа⁵⁷.

Современная биографическая практика показывает не только стремление авторов к осмыслению этих проблем, но и высвечивает определенное своеобразие в ситуации «столкновения» и «переплетения» традиций. Если «Запад» с конца XX века идет на радикальное сближение интеллектуальных и социокультурных параметров, ранее разъединявшихся, а в ряде случаев вплотную приближается к марксистскому тезису о «личности – продукте эпохи» (в первую очередь в историко-экономических исследованиях) и т.п., то «Восток», с одной стороны, набив «оскомину» на категорическом императиве социально-экономического компонента в любом виде анализа, проявляет интерес к «позавчерашнему дню» «западного биографизма» в его экзистенциальном выражении (см. Э.Ю.Соловьева), ориентируясь на элиминацию социального как восполнение «пропущенной» традиции в отечественном инструментарии, с другой - активно декларирует нормы «новой биографической истории» («социальной персональной истории»), которая, в принципе, абсолютно «новой» для нас не является, хотя и открывает новые возможности в применении социокультурного анализа.

Эта историографическая ситуация детерминирует в первую очередь обращение к исследованию истории биографических традиций, к «вычленению» действительно новых подходов к старым проблемам, вне зависимости, из какой региональной сферы они бы не появлялись, к созданию моделей биографического анализа, в которых бы оптимально могли соединиться элементы «нового биографизма», корректно заимствованные из двух оппонированных (к сожалению, до сих пор!) систем биоисториописания. При

этом вряд ли стоит устремляться по пути поиска «единых подходов», создавать новые шаблоны, применять только одну терминологию. «Мультиперспективный подход» (Л.П.Репина) к изучению «истории одной жизни», открывает широкие возможности для биографического эксперимента, в частности и в области историографических исследований.

¹ «Западные» и «восточные» - условное обозначение научных традиций, сложившихся в евроатлантическом (понятие введено В.Ващенко/Днепропетровск/) и восточноевропейском научном поле.

² См.: Национальная гуманитарная наука в мировом контексте: опыт России и Польши / пер. с польск. Н.Кузнецова; отв. ред. Е.Аксер, И.М.Савельева; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М., 2010. – С.6, 134.

³ См.: Карпов С.П. Некоторые размышления о состоянии исторической науки и образования // В едином историческом пространстве: Сб. научных статей. – М., 2009. - С.71.

⁴ Беленький И.Л. Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции // История через личность: историческая биография сегодня /Под ред. Л.П.Репиной. – М., 2005. - С.38.

⁵ Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 2009. - С.290-291.

⁶ См. подробнее: Леви Дж. Биография и история // Современные методы преподавания новейшей истории. – М., 1996. – С.191-206.

⁷ См.: Персональная история / Под ред. Д.М.Володихина. – М., 1999; Володихин Д.М. Две версии микроисторической платформы в отечественной историографии // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. – Вып.8. – М., 2002.

⁸ См.: Репина Л.П. Личность и общество, или история в биографиях (вместо предисловия) // История через личность: историческая биография сегодня. - С.12-14, 16.

⁹ Там же. – С.13.

¹⁰ Репина Л.П. От «истории одной жизни» к «персональной истории» // История через личность: историческая биография сегодня. - С.60-61; Колесник І. Гоголь: мережі культурно-інтелектуальних комунікацій. – К., 2009.

¹¹ См.: Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. – С.285-286; Она же. Историческая биография и интеллектуальная история // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. – Вип. 4. – Київ, 2009. – С.444.

¹² См.: Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. – С. 286, 296; Она же. От «истории одной жизни» к «персональной истории» // История через личность: историческая биография сегодня. – С.56.

¹³ См.: Грицак Я. Иван Лисяк-Рудницький (Нарис інтелектуальної біографії) // Сучасність. – 1994. - № 11; Андреев В. Дмитро Дорошенко: «перший» чи «другий» в українській історіографії першої половини ХХ ст.? // Досвід вивчення інтелектуальної біографії історика) // Український історичний журнал. – 2007. - № 4; Попова Т.Н. Проблемы изучения интеллектуальной биографии А.В.Флоровского: К 125-летию со дня рождения // Проблемы славяноведения: Сб. научных статей и материалов. – Вып. 11. - Брянск, 2009 и др.

¹⁴ Intellectual News. - 1997. - № 2. - P.55-59; Репина Л.П. Историческая биография и интеллектуальная история. - С.450.

¹⁵ Ващенко В. Концепт «інтелектуальна біографія» та конструювання «наукових біографій» в українській історіографії // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. – Вип.4. – Київ, 2009. – 482.

¹⁶ См.: Нейман А.М. Биография в истории экономической мысли: опыт интеллектуальной биографии Дж. М.Кейнса // История через личность: историческая биография сегодня. - С.330-332.

¹⁷ Репина Л.П. Историческая биография и интеллектуальная история. – С.452.

¹⁸ См.: Нейман А.М. Биография в истории экономической мысли: опыт интеллектуальной биографии Дж.М.Кейнса // История через личность: историческая биография сегодня. - С.332-333; Шумпетер Й. История экономического анализа. - Т.1. - СПб., 2001. - С.16.

¹⁹ См.: Репина Л.П. Историческая биография и интеллектуальная история. - С.450-451.

²⁰ См.: Там же. – С.454-455.

²¹ См.: Андреев В. «Інтелектуальна біографія» історика: експлікація поняття // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. – Вип.5. – Київ, 2010-2011.- С.338; Михайленко Г.М. Олександр Лотоцький (1870-1939 рр.): інтелектуальна біографія історика: Автореф. дис. ...

канд. іст. наук. – Київ, 2009; Ліхачова О.Є. Наукова, публіцистична та державна діяльність О.І.Георгієвського: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – Одеса, 2011 и др.

²² См.: Ващенко В. Концепт «інтелектуальна біографія» та конструювання «наукових біографій» в українській історіографії. - С.480-481.

²³ См. подробнее: Попова Т.Н. Историография в контексте дисциплинарных традиций // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / Под ред. Л.П.Репиной. – М., 2011. - С.474-490.

²⁴ См.: Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. – С. 264-267.

²⁵ Прайс Д. Наука о науке // Наука о науке. – М., 1966. – С.247; Буроп Э. Ученый и политическая деятельность // Там же. – С.38.

²⁶ Биография как историческое исследование // История СССР. – 1970. - № 4. - С.232, 239.

²⁷ Там же. – С.235-236.

²⁸ См.: Тарле Е.В. Наполеон. – М., 1992. – С.10; Баженов В.В. Биографический метод в научном творчестве академика Е.В.Тарле // История и историки. 1972. – М., 1973. – С.295.

²⁹ История СССР. – 1970. - № 4. - С.242.

³⁰ Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. - М., 1974. – 638 с.

³¹ Там же. – С.53.

³² История и историки. Историография истории СССР: Сб. статей. – М., 1965. – С.10.

³³ Павлова Т.А. Историческая биографистика в СССР // Новая и новейшая история. - 1990. - № 2.- С.48.

³⁴ См.: Ващенко В. Концепт «інтелектуальна біографія» та конструювання «наукових біографій» в українській історіографії. - С.478, 486.

³⁵ Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). – М., 1991. - С.170.

³⁶ См.: Голубович И.В. Биография: силуэт на фоне Humanities (Методология анализа в социогуманитарном знании). – Одесса, 2008. – С.11.

³⁷ Вопросы философии. – 1981. - № 7, 9.

³⁸ Голубович И.В. Биография: силуэт на фоне Humanities (Методология анализа в социогуманитарном знании). – С.11-12.

³⁹ Соловьев Э.Ю. Личность и ситуация в социально-политическом анализе Маркса // Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас. – С.186-187.

⁴⁰ Соловьев Э.Ю. Биографический анализ как вид историко-философского исследования // Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас. – С.19, 45.

⁴¹ Там же. – 46.

⁴² См.: Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. – Прага, 1925. - С. 243-244.

⁴³ Там же. – С.244.

⁴⁴ См.: Нейман А.М. Биография в истории экономической мысли: опыт интеллектуальной биографии Дж.М.Кейнса // История через личность: историческая биография сегодня. - С.333; Репина Л.П. Историческая биография и интеллектуальная история. - С.452.

⁴⁵ Соловьев Э.Ю. Личность и ситуация в социально-политическом анализе Маркса // Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас. - С.45.

⁴⁶ См.: Биография как историческое исследование. - С.233-235.

⁴⁷ См.: Селезнев Ю.Н. Служить своему времени и своему народу // Вопросы литературы. - 1980. - № 9.- С.235.

⁴⁸ См.: Попова Т.Н. Дисциплинарное сообщество историографов на исходе Постмодерна (фрагменты размышлений) // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. – Вип. 4. – Київ, 2009. - С.210-235.

⁴⁹ Румянцева М.Ф. «Чужое Я» в художественной литературе и в исторической науке // История через личность: историческая биография сегодня. - С.19.

⁵⁰ См.: Репина Л.П. Историческая биография и интеллектуальная история. - С.441-443.

⁵¹ Там же. – С.449, 453.

⁵² См.: Сент-Бёв Ш. О. Шатобриан в оценке одного из близких друзей в 1803 г. // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: Трактаты, статьи, эссе. - М., 1987. - С. 39–48; Луков Вл.А., Трыков В.П. Ш. О. Сент-Бёв о десяти заповедях биографического метода // VIII Пуришевские чтения: Всемирная литература в контексте культуры. - М., 1996. - С. 52.

⁵³ См.: Богданов В. Биографический метод в литературоведении // Словарь литературных терминов. - М., 1979. - С.32-33 и др.

⁵⁴ См.: Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ / Под ред. В. Воронкова и Е. Здравомысловой. – СПб, 1997;

Биографический метод в социологии: история, методология, практика / Под ред. Е.Ю. Мещеркиной, В.В. Семеновой. - М., 1994; Фукс-Хайнриц В. Биографический метод // Биографический метод в социологии: история, методология, практика / Ред. колл.: В.В. Семенова, Е.Ю. Мещеркина. - М., 1993. - С. 11-41 и др.

⁵⁵ Беленький И.Л. Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции // История через личность: историческая биография сегодня. – С.47.

⁵⁶ Значительная роль в этом процессе принадлежала В.С.Чишко. См.: Чишко В.С. Біографістика як галузь історичної науки: історіографія та методологія: Автореф. дис. ... докт. іст. наук.– К., 1997. Однако, на мой взгляд, *объектом биографистики* является не «видатна особа» (Чишко В.С. Указ. соч. – С.44), а историческая биография как культурно-историческое явление, *предметом* - история, теория и методология историко-биографических исследований. В этом случае биографистика предстает как одна из рефлексивных дисциплин исторического профиля. Термин *биографика* в современной литературе соответствует аналогичной дисциплине в области философских и филологических наук.

⁵⁷ См.: Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. – С.298-304.